

КАРМЕН ЛУНА

8 МРАКта
с графом
ДРАКУЛОЙ

Кармен Луна

8 МРАКта с графом Дракулой

<https://litres.ru/74430204>

SelfPub; 2026

Аннотация

Как отпраздновать 8 Марта? Цветы, конфеты, поздравления? Нет. Грабитель, переулочек, темнота и внезапный карьерный рост. Людмила Петровна, учительница на пенсии, наивно полагала, что худшее в жизни – это нерадивые ученики и завуч с отчетами. Но судьба решила иначе: одно неудачное столкновение с грабителем – и поздравляем, вы попали в другой мир!

Очнувшись 8 марта – в карете, в узком корсете, с молодой упругой фигурой и перспективами, о которых даже мечтать не могла. Теперь она леди Элоиза, гувернантка в замке самого графа Дракулы. Дети – вредные. Граф – мрачный, подозрительно красивый и, кажется, вообще не человек. Слуги – смотрят на нее так, будто она не доживет до зарплаты. А главное, ей велели не выходить из комнаты после заката Ну уж нет! Она педагог с многолетним стажем и железными нервами! Перевоспитает всех, кого сможет. Выяснит, какие тайны скрывает ее загадочный работодатель. И точно не позволит себе влюбиться хотя, может, именно этого стоило бы бояться больше всего?

Содержание

Аннотация	5
Глава 1	7
Глава 2	16
Глава 3	25
Глава 4	35
Глава 5	45
Глава 6	64
Глава 7	79
Глава 8	88
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Кармен Луна 8 МРАКта с графом Дракулой

8 МРАКта с графом Дракулой

Кармен Луна

Аннотация

Как отпраздновать 8 Марта? Цветы, конфеты, поздравления?

Нет. Грабитель, переулочек, темнота... и внезапный карьерный рост.

Людмила Петровна, учительница на пенсии, наивно полагала, что худшее в жизни — это нерадивые ученики и завуч с отчетами. Но судьба решила иначе: одно неудачное столкновение с грабителем — и поздравляем, вы попали в другой мир!

Очнувшись 8 марта — в карете, в узком корсете, с молодой упругой фигурой и перспективами, о которых даже мечтать не могла. Теперь она леди Элоиза, гувернантка в замке самого графа Дракулы.

Дети — вредные.

Граф — мрачный, подозрительно красивый и, кажется, вообще не человек.

Слуги — смотрят на нее так, будто она не доживет до зарплаты.

А главное, ей велели не ходить по замку одной после заката...

Ну уж нет! Она педагог с многолетним стажем и железными нервами!

Перевоспитает всех, кого сможет.

Выяснит, какие тайны скрывает ее загадочный работодатель.

И точно не позволит себе влюбиться... хотя, может, именно этого стоило бы бояться больше всего?

8 марта удался! Теперь бы еще дожить до следующего...

Глава 1

Поездка длилась вечно. Или, возможно, всего пару часов. Но когда ты трясешься в готической карете, в неудобно стянутом корсетом платье, с шляпкой, которая периодически норовит сползти на нос, и с твердой уверенностью, что тебя только что загнали в новую жизнь без твоего ведома, время перестает иметь значение.

Ещё утром было восьмое марта, и меня звали Людмилой Петровной. Шестьдесят пять лет, пенсия, сумка с покупками и возмутительная уверенность, что худшие сюрпризы уже позади. Потом был переулочек, чужая рука на ремешке сумки, резкий рывок и темнота. Очнулась я здесь. На коленях лежал чужой ридикюль, из рукавов выглядывали молодые руки, а мужчина напротив называл меня леди Элоизой. Я уже успела спросить, куда мы едем. В замок графа Дракулы, сообщил он таким тоном, будто это могло меня успокоить. Дату он тоже назвал: восьмое марта. Хотя бы с календарём судьба решила не экспериментировать.

Я пыталась считать колыхания фонарного света на бархатных занавесках, запоминала ритм стука колес по мостовой, даже один раз почесала нос в попытке отвлечься. Не помогло. Карета продолжала свой путь, а я ощущала себя не просто пассажиром, а чем-то вроде дорого упакованного груза с четко обозначенной конечной точкой назначения.

Наконец карета замедлила ход. Стук колёс стал тише.

Я осторожно выглянула в окно. И... конечно.

Готический замок. Огромный, угрюмый, с бесстыдно нависающими башнями, словно кто-то потратил уйму времени, проектируя его максимально мрачным. Если бы мне предложили описать «особняк зловещего лорда из какого-нибудь готического романа», я бы не смогла сделать это лучше, чем он выглядел в реальности. Весь в плюще, в пафосе и необъяснимом недоброжелательстве.

Лунный свет пробивался сквозь редкие облака, отбрасывая серебристый отсвет на каменные стены. Высокие окна светились скупой, экономно, словно даже свет здесь расходовали с настороженностью. Где-то вдалеке, в тумане, угадывался силуэт еще одной башни, но даже он выглядел так, будто предпочел бы оставаться невидимым.

Но знаете, что действительно напрягло?

Тишина.

Абсолютная. Гробовая.

Обычно в таких местах что-то должно шевелиться. Треск веток, карканье ворон, шорох травы под лапами ночных зверей — хотя бы ветер, вздыхающий среди стен, чтобы придать антуража.

Но здесь не было ничего.

Только карета, только приглушенный стук моего сердца в ушах, только ощущение, что этот замок уже знает, кто я, и заранее уверен, что я тут долго не протяну.

Карета покачивалась на ухабах, но это было ничто по сравнению с тем, как качалась моя уверенность в завтрашнем дне. Я все еще не могла понять, как так вышло, что меня загнали в эту авантюру, и кто был тот смелый человек, который посмел меня назначить нянчить детей графа Дракулы.

Потому что, если это шутка — она явно зашла слишком далеко.

Я украдкой бросила взгляд на мужчину напротив.

Тучный, с внушительными бакенбардами, в дорогом, но чуть помятом костюме, с тяжелыми золотыми часами на толстом запястье. Взгляд над пенсне рассудительный, слегка усталый, но с хитринкой. Губы плотно сжаты, но то и дело чуть дергаются, будто он подавляет желание вздохнуть поглубже, прежде чем сказать что-то важное.

Я бы спросила у него, что, черт возьми, происходит, но было одно «но».

Я его не знала.

Но он, судя по его виду, знал меня.

— Простите, а вы... кто?

Мужчина вздрогнул так, будто я только что ляпнула что-то невероятно оскорбительное.

— Как это «кто»?! — Он даже опешил. — Леди Элоиза, ну ей-богу, вы же не шутите...

Я вежливо подняла бровь.

— Я не шучу.

Он представился Раулем Сорсби, картинно взмахнув пух-

лой рукой. Судя по тону, этот человек привык управлять чужой жизнью и получать за это благодарности.

С благодарностями у меня пока не складывалось.

— Комитет по надзору за воспитанием благородных семейств назначил вас гувернанткой, — сообщил Рауль с казённой торжественностью. — Мы отвечаем за образование юных лордов.

— То есть за то, чтобы они не выросли отбитыми малолетними преступниками?

Рауль не моргнул.

— Именно.

Я вздохнула.

— И мне, как самой счастливой женщине на свете, достались дети графа Дракулы?

— Именно.

Я нахмурилась.

— Почему у меня складывается ощущение, что вы мне чего-то не договариваете?

Рауль театрально вытер лоб платком, сделал глубокий вдох и сказал:

— Потому что вы умная женщина.

Я откинулась на спинку сиденья и скрестила руки.

— Выкладывайте.

— Дети... специфические, — признался он, теребя платок.

Я прищурилась.

— Специфические — это как?

Рауль открыл было рот, но потом передумал. Сделал паузу, снова промокнул лоб платком, тяжело вздохнул.

— Они плохо учатся, а недавно их исключили из школы, — выдавил Рауль, избегая моего взгляда.

— За неуспеваемость или за поведение? — Я перестала улыбаться.

Рауль заерзал на месте, а я вдруг поймала себя на мысли, что чем дольше он говорит, тем больше мне хочется прямо сейчас выпрыгнуть из кареты.

— Я должна знать, с чем имею дело. Говорите прямо.

Рауль снова вздохнул, поправил пенсне, поджал губы и выдал:

— Они... без матери. Их воспитывал только отец.

Я молча ждала продолжения.

— Граф занятой человек. У него свои методы воспитания, — добавил Рауль с заметной осторожностью.

— Результат этих методов уже понятен, — отозвалась я сухо. — Что случилось с предыдущей гувернанткой?

— Ни с одной они не нашли общего языка, — уклонился он, расправляя платок на колене.

Я вскинула бровь.

— Сколько их было?

Рауль шумно прочистил горло.

Рауль шумно вздохнул, достал платок и утер лоб.

— Двенадцать за последний год, — признался Рауль, по-

краснев до бакенбард.

Я моргнула.

— Значит, я тринадцатая? — Я уставилась на него, уже не стараясь скрыть возмущение.

Рауль нервно поерзал.

— Ну, леди Элоиза, вы же понимаете, это непростая семья...

Я продолжала молчать.

— Зато вам предоставили прекрасные покои! — поспешил он добавить. — А также полное обеспечение, питание...

Я по-прежнему молчала.

— И почётный статус, — добавил он совсем неубедительно.

Тишина.

— Предшественницы ведь уехали целыми и невредимыми, — поспешил заверить он.

Я медленно вдохнула и выдохнула.

— И когда я могу отказаться?

Рауль моргнул.

— Я не уполномочен отменить назначение, — ответил он, нервно поправляя пенсне. — Отказ придётся оформлять через Комитет.

Я закрыла глаза.

— Разумеется.

Рауль выглядел так, будто хотел сказать что-то ободряющее, но передумал.

Он шумно вздохнул, в который раз промокнул потным платком лоб, бросил быстрый взгляд в окно и вдруг... оживился.

— Ну, леди Элоиза, моя миссия выполнена! — бодро объявил он, встряхнувшись, будто только что избавился от тяжелой ноши.

Я медленно подняла бровь.

— Что значит «выполнена»?

— Как что? — Он удивленно распахнул глаза, будто я спросила, сколько будет дважды два. — Я вас доставил. Вы на месте. Моя задача завершена!

Я огляделась. Карета еще не остановилась. Мы продолжали ехать по мрачной дороге, тянущейся к замку, который все еще выглядел так, будто из него выходят только в двух случаях — ногами вперед или в состоянии полной моральной деградации.

— Поздравляю, — медленно выдавила я. — А дальше?

Рауль, довольный собой, сложил руки на внушительном животе.

— Дальше вы приступаете к своим обязанностям.

— А вы? — спросила я, с тревогой следя за его оживлением.

— А я? — Он даже вскинул брови, искренне не понимая, к чему я клоню.

— Вы остаетесь со мной, разумеется.

Рауль закашлялся так, будто я только что предложила ему

голым пробежаться по зимнему дворцу.

— Что? Нет, нет, нет! — Он даже махнул рукой. — Я уезжаю обратно!

Я прищурилась.

— Рауль, милый, скажите честно... вы меня сюда сдали и теперь сбегаете?

— Ну, что значит «сдал»? — Рауль явно занервничал, закрутился, снова схватился за свой платок. — Я исполнил поручение. Это большая честь — получить работу в таком месте.

— Тогда почему вы сами здесь не остаетесь? — Я не скрывала подозрения.

— Потому что у меня... другие важные поручения! — возмутился он. — Я сопровождающий от Комитета, а не гувернёр.

Я долго смотрела на него, медленно осознавая, что этот пухлый господин буквально загнал меня в пасть льва и теперь бодренько сваливает.

Рауль поерзал под моим взглядом, но, судя по всему, стыд испытывать не собирался.

— Ну что ж, — бодро сказал он, хлопая ладонями по коленям, — на этом все! Я уверен, что у вас все получится!

— Вы уверены? — переспросила я, не поверив его бодрости.

— Нет, — честно признался Рауль и быстро поправился: — То есть да! Конечно!

Карета, наконец, остановилась. Дверь открылась сама (ну, конечно, эффектность прежде всего).

Рауль буквально выскочил наружу быстрее, чем я успела среагировать.

— Удачи вам, леди Элоиза!

Я, наконец, вылезла следом, выпрямилась, глубоко вдохнула и увидела, как Рауль уже несется обратно.

— Рауль! — позвала я.

Он даже не оглянулся.

— До свидания! — только махнул рукой.

— Подождите, вы серьезно?!

Но карета уже тронулась.

Я медленно повернулась к замку.

Высокие стены. Готические башни. Окна, мерцающие тусклым светом.

Где-то далеко в темноте карета Рауля скрылась за поворотом.

А я осталась.

Одна.

В этом месте.

В этом замке.

Глава 2

Ворота закрылись за моей спиной с тяжелым металлическим лязгом, который слишком сильно напоминал звук захлопнувшейся ловушки.

Я вздрогнула.

Не потому, что испугалась (хотя, признаемся честно, хотелось), а потому что вокруг была пугающая тишина.

Я ожидала хотя бы скрип деревьев, шорох гравия под сапогами, завывание ветра, но нет — тишина была вязкой, глухой, будто сам воздух не хотел тревожить покой этого места.

Замок возвышался впереди, огромный, мрачный, застывший в ночи как что-то вечное, неподвижное, враждебное. Тусклые фонари, расставленные вдоль дорожки, давали слишком мало света, вырывая из тьмы лишь узкие куски пространства, в которых клубились тени. Они казались живыми, словно с легким нетерпением ждали, когда я сделаю следующий шаг.

Я сглотнула, сжала ридикюль и пошла.

Одна.

Дорожка к замку была устлана плитами, местами потрескавшимися, кое-где покрытыми мхом. По бокам возвышались старые каменные статуи. Ангелы, рыцари, грифоны, странные фигуры, напоминающие то ли людей, то ли зверей.

И все они... смотрели на меня.

Я знала, что это глупо.

Знала, что это всего лишь мрамор, холодный, неживой.

Но ощущение, что за мной наблюдают сразу десятки каменных глаз, было слишком... реальным.

Я ускорила шаг.

Голова статуи ангела чуть склонилась в мою сторону.

Я резко остановилась.

Нет.

Показалось. Должно было показаться. Потому что каменные статуи не двигаются. Я глубоко вдохнула, с силой разжала пальцы на ридикюле, едва не сломав замочек, и пошла дальше, не оглядываясь.

Замок приближался.

Окна мерцали тусклым светом, но при этом казались пустыми, как глаза слепого. Высокие колонны поддерживали массивный фронтон, увитый древним плющом, который цеплялся за стены словно когтистые пальцы.

И чем ближе я подходила, тем сильнее давило ощущение, что меня здесь ждали. Я сделала последний шаг, поднялась на ступени и замерла перед массивными дверями.

И тут они открылись сами.

Не скрипнули, не заскрежетали — распахнулись плавно, бесшумно, будто кто-то невидимый пригласил меня внутрь.

Холодок пробежал по спине.

Я в последний раз оглянулась на статуи.

И показалось — или теперь они смотрели прямо на меня?

Я шагнула под своды вестибюля.

Ну надо же. Эффектность — десять из десяти. Хотя стоило ожидать. Я еще не видела хозяина дома, но что-то мне подсказывало: если бы он захотел, то и ковры подо мной развернулись бы сами, и свечи зажглись бы в нужный момент.

Но вместо хозяина первым меня встретил он.

Высокий, худой, чересчур бледный, с таким лицом, будто лично видел, как прежняя гувернантка пыталась сбежать, не добежав до ворот. На вид — не то чтобы старый, но с такой осанкой и манерами, будто родился уже с серебряным подносом в руке и вечной скукой в глазах.

Я даже не успела поздороваться, как он приподнял бровь и заговорил низким, вкрадчивым голосом:

— Леди Элоиза?

Тон одновременно осуждающий, сочувствующий и уже морально хоронящий.

О, вот это мне нравится. Я еще даже не сделала ни шага внутрь, а этот человек уже меня жалеет. Чудесно. Просто прекрасно.

Но я — женщина воспитанная, профессионал, которого, между прочим, по сути насильно назначили нянькой двум, судя по всему, невыносимым детям. Поэтому выпрямила спину, поджала губы и с лёгкой улыбкой ответила:

— Она самая.

Ноль эмоций. Даже намек на попытку изобразить го-

степриимство. Только чуть приподнятый подбородок и легкий приглашающий жест рукой, который, кажется, говорит не столько «Добро пожаловать», сколько «Ваша могила вон там».

Я глубоко вздохнула, поправила шляпку, сжала ридикюль и прошла за ним в зал.

Сказать, что атмосфера в замке оставляла желать лучшего — ничего не сказать.

Здесь, кажется, даже камни помнили что-то нехорошее. Высокие своды, темные стены, резные колонны, массивный камин, в котором огонь горел с ленцой, будто его тоже загнали сюда по принуждению и он теперь протестует, выдавая лишь вялые языки пламени. Тени от колонн вытягивались в углах, словно живые, как будто даже сам воздух тут не любил лишних движений.

И среди всего этого готического великолепия стоял он.
Граф.

Неподвижный. Высокий. Совершенно мрачный.

Черные волосы, приглаженные идеально, как у человека, который контролирует все в этом мире, включая сам воздух вокруг себя. Кожа бледная, словно он ни разу не видел солнца, но это было бы вполне ожидаемо, учитывая, где я оказалась. Синие глаза — пронзительные, холодные, изучающие так, будто одним взглядом способны рассортировать мои качества на полезные и ненужные.

И выражение лица...

В духе: «О господи, что это за цирк?»

Он не шелохнулся, даже когда я зашла. Просто стоял у высокого окна, как идеальный памятник себе, и смотрел, будто оценивает. То ли мою профпригодность, то ли то, насколько быстро я сбегу.

— Леди Элоиза, — голос ровный, бархатный, но с оттенком глубокого раздражения, как будто я уже успела подпортить ему настроение самим фактом своего существования.

Я выпрямилась, словно перед директором школы.

— Граф Дракула.

Мы посмотрели друг на друга. Чуть дольше, чем принято при первом знакомстве.

— Надеюсь, комитет вас предупредил? — Он скрестил руки на груди, и ткань его дорогого черного сюртука натянулась, подчеркивая безупречную осанку.

Я пожалала плечами, нарочито легко.

— Конечно. Ваши дети плохо учатся и безобразно себя ведут, — ответила я, сдерживая раздражение. — Комитет решил, что им необходим постоянный наставник.

На лице Влада промелькнула легкая усмешка, но настолько мимолетная, что я почти решила, что мне показалось.

— Они думают, что могут диктовать мне, как воспитывать моих наследников?

— Попробуйте сначала дать наставнику работать, — отозвалась я, стараясь не поддаться его давлению.

Молчание.

Нехорошее.

Я бы сказала, что оно повисло в воздухе, но оно скорее впиталось в стены, растеклось по камню, осело в тенях, добавив этому месту еще один слой напряженной готики.

И я вдруг осознала, что граф все еще смотрит.

Очень внимательно.

Как человек, который уже знает что-то, чего не знаю я.

— Вы здесь ненадолго, мисс, — голос холодный, как мартовский ветер, неспешно пробирался под кожу, оставляя после себя ощущение легкого, но неприятного холода. — Никто из ваших предшественниц не задержался.

Ах, ну конечно. Тот самый момент, когда тебе не просто сообщают о проблемах на новом месте работы, а делают это с таким тоном, будто уже мысленно вычеркивают тебя из списка живых. И что-то мне подсказывало, что у графа Дракулы этот список был немаленький.

Он стоял неподвижно, спокоен, словно мраморная статуя, созданная исключительно для того, чтобы смотреть на окружающих с легким презрением. Высокий, бледный, неизменно идеальный, как воплощение вампирской романтики в худшем смысле этого слова. Глубокие синие глаза, в которых отражался весь мой грядущий педагогический ад, смотрели на меня оценивающе, отстраненно, с долей ленивого любопытства.

Знаете, этот взгляд я видела раньше. Например, когда школьный завуч проверяет новый приказ министерства, осо-

зная, что теперь придется работать в три раза больше, а радости от этого — ноль.

Я выдержала паузу, наполнила улыбку сахаром, медом и капелькой скрытого яда.

— Возможно, дело в том, что вашим детям пора бы все-таки усвоить программу? — голос ровный, без лишнего напряжения.

Улыбка намеренно мягкая, но взгляд цепкий. Дракула не привык, что с ним спорят? Привыкнет.

Он поджал губы, едва заметно. Как будто перед ним вдруг возникла загадка, которую он пока не может разгадать. Или как человек, который увидел, что его противник вдруг оказался с совершенно другой стороны шахматной доски.

Теперь он действительно разглядывал меня.

Как будто впервые видит женщину, которая с ним не заискивает, не боится и не умоляет о поблажках. Как будто впервые встретил кого-то, кто не дрожит под его взглядом и не ждет разрешения говорить.

Небольшая пауза. Легкий наклон головы, будто он решает, интересен ли ему этот новый неожиданный фактор в его мире.

— Посмотрим, сколько продержитесь вы, — произнёс он с холодным интересом.

Прекрасно. Это официальное заявление о том, что ставка сделана, а я — новый объект наблюдения.

Супер. Я просто в восторге.

— Леди Розанна покажет вам ваши покои, — голос Влада звучал ровно, спокойно, но в нем чувствовалась некая отстраненность, будто он уже мысленно закрыл эту тему и больше не собирался к ней возвращаться. — Она также объяснит вам основные законы и правила этого дома.

Ах, правила.

Я почему-то была уверена, что их здесь много.

— Надеюсь, они не включают в себя пункт «сохранять благоговейный трепет перед хозяином замка»? — невинно поинтересовалась я, склонив голову чуть набок.

Граф даже не моргнул.

— Вовсе нет, — произнес он с ленивым, едва заметным намеком на усмешку. — Скорее, не делать глупостей, которые поставят вас в неловкое положение.

— То есть в смертельно неловкое? — уточнила я, скрывая тревогу за усмешкой.

— Не торопитесь с выводами, леди Элоиза, — отозвался граф с неприятным спокойствием.

Я посмотрела на каменные стены, нависающие над нами, на высокие колонны, на тяжелые тени, клубящиеся в углах зала, на самого Влада, который по-прежнему стоял совершенно неподвижно, словно создан не из плоти, а из ночи и чего-то острого, холодного, необъяснимого.

— Конечно, — медленно ответила я. — Абсолютно ничего не стоит.

Граф слегка наклонил голову, а затем развернулся и ушел,

не потрудившись сказать больше ни слова.

Великолепно. Просто великолепно.

Глава 3

— Леди Элоиза, — тихий, ровный голос заставил меня повернуть голову.

Леди Розанна стояла чуть в стороне, высокая, худая, с идеально прямой осанкой, в элегантном темном платье, которое больше скрывало, чем подчеркивало, с собранными в сложную прическу волосами и таким лицом, что им можно было резать лед. Глаза спокойные, слишком внимательные, губы сжаты в тонкую линию.

— Если вы готовы, я проведу вас в ваши покои.

Я кивнула и мысленно приготовилась.

Мне предстояло узнать правила этого дома.

И, судя по всему, они мне не понравятся.

Я мысленно поправила шляпку и пошла следом.

Замок, конечно, был впечатляющим.

Массивные каменные стены, высоченные своды, которые словно нависали над головой, причудливые арки, создающие ощущение лабиринта. Света было мало — редкие канделябры на стенах, свечи в железных держателях, время от времени — одинокие люстры, отбрасывающие длинные тени, превращающие проходы в театральное представление теней.

Я краем глаза заметила портреты.

Ряд старых, массивных полотен, вытянутых по коридору. Мужчины и женщины в богатых одеждах разных эпох, неко-

торые с суровыми взглядами, другие с легкой, едва заметной насмешкой, но все — с одной и той же холодной гордостью во взгляде.

И среди них — он.

Я не смогла удержаться и замедлила шаг.

Влад III Цепеш.

Они даже не пытались спрятать его. Даже наоборот — его портрет стоял в самом центре, величественный, пронизывающий, словно из-под кисти художника он продолжал наблюдать за каждым, кто проходил мимо.

Сильные черты лица, мрачное выражение, глаза, в которых застыло что-то темное, глубокое, как колодец, в который не хочется заглядывать слишком долго.

Что ж. Неплохая семейная традиция — напоминать всем о своем родстве с историческим кровопийцей.

Я поежилась и поспешила за леди Розанной, которая даже не замедлилась, даже не повернула голову.

Массивные лестницы, сделанные из темного мрамора, вились вверх, будто сами тянулись в бесконечность. Ступени широкие, с идеально отполированной поверхностью, которые явно знали, что такое истинное благородство.

В конце коридора — дверь.

Тяжелая, из темного дерева, с золотыми элементами, со старинным резным узором.

Леди Розанна открыла ее так же легко, как если бы за ней не скрывалась массивная конструкция весом в пару сотен

килограммов.

Я вошла.

И остановилась.

Моя комната была великолепной.

Высокие потолки, массивные окна, закрытые тяжелыми бордовыми шторами, которые при желании можно было раздвинуть, открыв вид на лунную ночь. Громадная кровать с резным деревянным изголовьем, укрытая роскошным покрывалом, с множеством подушек, которые явно стоили больше, чем годовая зарплата обычной гувернантки.

По бокам — небольшие столики с изящными канделябрами, напротив — кресло у камина, где уже горел огонь, согревая комнату.

Темные стены не выглядели мрачными — наоборот, создавали атмосферу уюта, граничащего с царской роскошью.

Но больше всего меня привлек туалетный столик у окна.

На нем уже стояли серебряные расчески, тонкие флаконы с духами, шкатулка, явно предназначенная для украшений.

Как будто комната ждала меня.

Я медленно обернулась.

Леди Розанна стояла у двери, руки сложены перед собой, взгляд холодный, но в нем было что-то неувлимо одобрителное.

— Ваши покои, леди Элоиза, — ее голос был ровным, но с каким-то... подспудным оттенком, будто в этих словах крылась особая, мне пока неведомая значимость.

Я кивнула, посмотрела еще раз на роскошную кровать.

— Не слишком ли... шикарно для гувернантки?

Леди Розанна едва заметно улыбнулась.

— Учитывая, что ни одна из ваших предшественниц не задержалась здесь надолго... думаю, это было легким бонусом.

Я не знала, как реагировать...

— Теперь о правилах, — проговорила Розанна, оставшись у двери.

О, вот это интересно.

— Уверена, что они здесь весьма... специфические?

— Их необходимо соблюдать.

Тон у нее был такой, что я сразу поняла: нарушителей здесь не просто не любят — они, скорее всего, надолго не задерживаются.

— Первое и самое важное: после заката не ходите по замку одна, — сказала она с нажимом. — В жилом крыле безопаснее, а в дальних галереях можно заблудиться даже при свете.

Я моргнула.

— Это... официальное требование?

— Это настоятельная рекомендация.

Я прищурилась, но ничего не сказала.

— Второе. Некоторые двери в замке закрыты, и их нельзя открывать.

Я фыркнула.

— Прекрасно. Это придает всему такой таинственный вид, не находите?

— Это придает всему безопасность, — уточнила Розанна без тени улыбки.

Так, ладно, с этим надо разобраться позже.

— Третье. Если вы услышите ночью посторонние звуки — не выходите.

Я уже даже не удивилась.

— Скажите, это все просто часть неудачного дизайна замка или здесь правда есть что-то, чего мне стоит опасаться?

Леди Розанна резко остановилась посреди комнаты. Я невольно отступила от неё.

Она повернула голову, посмотрела прямо мне в глаза.

— Это замок графа Дракулы, леди Элоиза. Здесь всегда есть что-то, чего вам стоит опасаться.

Я медленно сглотнула.

— Хорошо, допустим. А дальше?

Розанна провела ладонью по спинке кресла и продолжила с прежней сдержанностью.

— Четвертое. Вам не стоит задавать слугам вопросы, касающиеся семьи графа. Они не ответят.

Я кивнула.

— Значит, мне придется искать ответы самой.

Розанна не отреагировала, но я заметила, как она едва заметно сжала пальцы.

О, что-то она мне не договаривает.

— Пятое. Вам запрещено входить в личные покои графа.

— Ох, как жаль, — вздохнула я с преувеличенной грустью. — А я-то мечтала проникнуть в его личное пространство.

— Не стоит шутить об этом.

Голос Розанны был слишком серьезным.

— Он действительно настолько категоричен в этом вопросе?

— Он категоричен в вопросах, которые касаются его лично.

Я запомнила этот ответ.

Розанна подошла к двери, давая понять, что разговор подходит к концу.

— Последнее, — тихо добавила Розанна. — Ваш контракт бессрочный.

Я резко остановилась.

— Что?

— Срок службы заранее не установлен, — пояснила она, заметив моё замешательство. — Прекращение контракта оформляют через Комитет.

— А если я захочу уйти?

Розанна повернулась ко мне, ее губы чуть тронула бледная тень улыбки.

— О, леди Элоиза... Вы захотите уйти намного быстрее, чем думаете...

Леди Розанна еще раз посмотрела на меня, чуть кивнула

и вышла, закрыв за собой дверь так тихо, как если бы ее и не было.

Я осталась одна.

В этом великолепии.

В этом замке.

В этой ловушке.

Я медленно осмотрелась, ощущая смутное беспокойство. Комната выглядела так, словно меня здесь ждали.

Я глубоко вздохнула и тяжело опустилась на кровать. Ткань подо мной поддалась, словно утягивая в себя, и я почувствовала, как тело сразу же расслабляется, сдаваясь усталости. Боже, насколько мягко... Если бы не странное ощущение, что за мной кто-то наблюдает, я бы сразу провалилась в сон. Но это было глупо. Глупо же?

Раздраженно выдохнув, я села, машинально потянулась к шляпке и сняла ее, едва не растрепав волосы. Тишина была почти уютной, но внутри глухо стучало какое-то тревожное предчувствие. Медленно поднялась, подошла к окну и отдернула тяжелые шторы.

Замерла.

Внизу, за стенами замка, простиралось озеро. Гладкая, темная, безмятежная поверхность, словно полированное стекло, в котором отражалась огромная полная луна. Это было прекрасно. Загадочно. Жутковато. Но самое странное — мне казалось, что оно наблюдает за мной.

Я прикусила губу, силясь понять, почему от этого вида у

меня побежали мурашки. Озеро выглядело слишком... правильным. Слишком тихим. Я всматривалась в его глубину, пытаюсь уловить хотя бы малейшее движение, хотя бы слабую рябь на воде, но ничего. Абсолютная неподвижность, как будто время здесь не двигалось, как будто даже ветер боялся касаться этой глади.

И тут что-то шевельнулось.

Я вздрогнула, инстинктивно сделала шаг назад. Было это на самом деле или просто игра теней? В груди гулко забилося сердце, но в следующий момент вода вновь стала гладкой, безупречно отражая луну, и я уже не могла сказать, видела ли я что-то или просто устала настолько, что воображение решило доиграть за меня.

Нервно сглотнув, я резко задернула шторы и отвернулась.

Тут же мне громко напомнил о себе мой живот.

Я нахмурилась и сложила руки на груди.

— Чудесно, — буркнула себе под нос. — Добро пожаловать в новый дом, Элоиза. Тебя уже предупредили, что ты тут долго не удержишься, двери открываются сами, озеро подозрительно молчит, а ты еще и голодная.

Ответом мне было только потрескивание дров в камине.

Я вздохнула, вернулась к кровати и, даже не раздеваясь, плюхнулась обратно. Честно говоря, сейчас мне не хотелось думать. Ни о странных правилах этого дома, ни о графе, который смотрел на меня так, будто уже рассчитал срок моей профпригодности, ни о том, что я только что видела. Я про-

сто устала. И несмотря на все тревожные сигналы, которые настойчиво шептали, что в этом месте что-то не так, усталость оказалась сильнее.

И прежде чем я успела еще раз усомниться в том, что сделала правильный выбор, сон окутал меня тяжелым, плотным одеялом.

Меня разбудил негромкий стук. Слуга проводил меня на поздний ужин, а после обещал показать обратную дорогу.

И это был не просто ужин. Это был натюрморт эпохи Возрождения в реальности.

Большой стол, покрытый тяжелой скатертью цвета красного вина, на нем расставлены блюда, которые выглядели так, будто их выкладывали под оркестр и аплодисменты. Золотистые корки хлеба, расплавленный сыр, сочные ломтики мяса, покрытые пряными травами, хрустящий виноград, фрукты, персики с бархатистой кожицей, вино, глубокого темного оттенка, словно сама ночь, разлитое в резные бокалы. Все выглядело идеально.

Так идеально, что меня это немного насторожило.

Я медленно посмотрела на слуг.

Они стояли неподвижно.

Без лишних движений, без выражения на лицах. Просто... ждали.

Я моргнула.

— Вам приятного аппетита, миледи.

И, не дожидаясь, что я скажу дальше, молча развернулись и ушли.

Все.

Просто ушли.

Я осталась в полном одиночестве с этим, без сомнения, роскошным, но теперь жутковатым пиршеством.

Я сглотнула.

Посмотрела на абсолютно нетронутую еду.

На идеально разложенные приборы.

На вино, в котором не дрогнула ни одна капля.

Ощущение, что я — последний человек на земле, который вообще ест, внезапно ударило с такой силой, что я невольно передернула плечами.

— Ну, если вы решили меня отравить, могли бы сделать это как-то поизящнее, — буркнула себе под нос, отламывая кусочек хлеба.

Он был теплым. Хрустящим. Совершенно обычным.

Но ощущение, что за мной наблюдают, не уходило.

В полной гробовой тишине я начала ужинать.

Чудесное место. Чудесная работа. Ничего подозрительного вообще.

Глава 4

Я знала, что дети бывают разные. Капризные, вредные, шумные, невыносимые. Я работала учителем и видела всех, от милых ангелочков с бантиками до маленьких гениев, которые с хладнокровием маньяка доводили учителей до истерики, так что двое детей в огромном замке меня не пугали.

До тех пор, пока я их не увидела.

Первым пришел смех. Легкий, звонкий, тихий — и до жути неподходящий к тишине этого замка. Он был не просто звуком, он был чем-то больше, чем небрежный, случайный смешок ребенка. Этот смех... катился по коридору, скользил вдоль стен, заполняя собой пространство, и почему-то казалось, что он звучит сразу отовсюду. Я остановилась, медленно повернула голову, прислушалась. Ничего. Только тыни, укрывшиеся в нишах, да старый камень, напитанный временем и чужими голосами.

И тут раздалось:

— Добрый вечер, леди Элоиза.

Голос был тонкий, мелодичный, с легкими переливами в интонациях, и звучал так, будто говоривший одновременно развлекался и испытывал мое терпение.

Я повернулась.

Девочка.

Она стояла у колонны, едва освещенная колеблющимся

светом факела. Бледная девочка в пышном белом платье, с идеальными светлыми кудряшками, которые напомнили мне фарфоровую куклу. Маленькую, безупречно изящную... но если куклы обычно хранят застывшие, пустые взгляды, то в ее глазах жило нечто. Слишком много ума, слишком много хитрости.

— И с кем имею честь? — спросила я, внутренне отмечая, что это, пожалуй, не лучший вопрос для первой встречи с ученицей.

Клара мило улыбнулась, слишком мило, как для ребенка.

— Я ваша ученица. Клара.

И исчезла.

Не шагнула назад, не скользнула в сторону. Исчезла.

Я моргнула.

Проверила зрение. Наклонилась вбок, прищурилась, заглянула за колонну.

Никого.

Так. Спокойствие только спокойствие... Дети — существа хитрые. Особенно те, кто живут в огромных мрачных замках и наверняка знают здесь каждый укромный угол. Она просто... спряталась? Да, логично. Логика — наше все.

— Не беспокойтесь, она делает это часто, — раздался новый голос.

Я обернулась.

Мальчик. На вид лет двенадцать. Себастьян — это имя я успела прочесть в оставленном на столе письме о моих вос-

питанниках.

Он был совершенно не похож на сестру. Высокий, даже для своего возраста, худощавый, с темными волосами, слегка спадающими на лоб. Весь его облик — от выправки до манеры смотреть исподлобья — говорил, что он очень хочет казаться взрослым.

Взгляд цепкий. Насмешливый.

В нем не было ребячества, только оценивающий холод.

Он держался так, будто не он ребенок, а я, и сейчас мы начнем новый учебный год, где он — преподаватель.

— Вы нас будете учить? — Его голос был спокойным, но в нем было что-то... провокационное.

Я подняла бровь.

— Вроде того, — медленно выдохнула я, решив не позволять ему взять инициативу в разговоре.

— Ну, посмотрим, кто кого, — он усмехнулся, уголки губ дрогнули, но сам взгляд остался тем же — уверенным, оценивающим.

В этот момент мне впервые стало беспокойно.

И дело было не в том, что дети странные. Не в том, что девочка исчезла в тени, а мальчик смотрел так, будто просчитывал мои шансы на выживание.

А в том, что я уже тогда чувствовала: эта работа меня убьет.

Пусть не в буквальном смысле, но вот так — спокойно, изнутри, медленно разъедая мое представление о том, что в

этом мире возможно, а что нет.

— Завтра в девять жду вас в классе, — объявила я, расправляя плечи и стараясь говорить увереннее, чем чувствовала себя.

Наивная.

Утром девятого марта я пришла в классную комнату.

Просторное помещение с высокими окнами, массивными книжными шкафами вдоль стен и тяжелыми дубовыми партами, которые наверняка пережили не одно поколение учеников. Воздух пах бумагой, чернилами и легкой пылью, осевшей в уголках вековых фолиантов. Книги уже разложены на столе, перья приготовлены, чернильницы стоят, как солдаты на посту. В камине потрескивал огонь, отблески пламени лениво скользили по темному дереву мебели, отбрасывая на стены нечеткие дрожащие тени. Полная, абсолютная готовность к учебному процессу.

Вот только учеников нет. Никто из них не пришел. Чудесно. Начинается.

Я замерла на пороге, прищурилась, внимательно осмотрела помещение. Все на месте, кроме двух виновников моего раннего подъема.

Я подождала.

Минута.

Пять.

Десять.

Тишина.

Я скрестила руки на груди, медленно постучала ногтем по деревянной крышке ближайшей парты.

— Так, — пробормотала я, не спуская взгляда с пустых мест. — Ну и где вы, паршивцы?

Я развернулась и вышла из класса. Куда они могли деться? Дети, даже самые изобретательные, не растворяются в воздухе... по крайней мере, не должны.

Замок встретил меня привычным холодком каменных стен, приглушенным светом канделябров и тишиной, которая уже начала действовать на нервы. Пустые коридоры, в которых звук шагов разносился с таким эхом, будто это была не я, а еще кто-то, кто шагал рядом.

Подавив неприятное ощущение, я продолжила поиски. Прошла мимо обеденного зала, где стол был безукоризненно накрыт, но явно не тронут. Заглянула в одну из гостиных — пусто. Прошла мимо закрытых дверей, за которыми слышалось лишь ровное дыхание замка, его невидимое существование, его глубокая, чуждая мне жизнь.

А потом, наконец, нашла их.

Они... СПАЛИ.

Клара уютно свернулась клубком в кресле в библиотеке, укрывшись пледом, который ей явно заботливо кто-то принес. Себастьян раскинулся на диване, накрыв лицо книгой, по толщине и виду напоминающей трактат по военному искусству.

Я застыла, смотря на эту картину.

Внутренне закипела.

Глубоко вдохнула. Выдохнула. Еще раз. Хорошо, Элоиза, ты не на войне, это всего лишь дети.

Подошла ближе, сложила руки на груди, выразительно кашлянула.

Ноль реакции.

— Вы должны быть в классе, — голос у меня вышел сухим, строгим, но без лишних эмоций.

Ноль эмоций.

Клара даже не пошевелилась. Себастьян лениво откинул книгу от лица, не открывая глаз, зевнул и сказал с величайшим в мире безразличием:

— Утром мы не учимся.

Я моргнула.

— Что значит «не учимся»?!

Себастьян, не открывая глаз, только отмахнулся, словно комара отгонял.

— Мы учимся ночью.

Я даже рта открыть не успела.

Клара потянулась, зевая, сладко и совершенно беспардонно.

— Это традиция.

Традиция?!

Я уставилась на них так, словно они только что сообщили мне, что предпочитают питаться солнечным светом и осенью

сбрасывают листву.

— Почему меня об этом не предупредили? — спросила я, сдерживая раздражение.

— Совершенно не нелепость, — Клара открыла глаза, улыбнулась мне как ни в чем не бывало. — Просто у нас так принято.

Я глубоко вдохнула.

Так, ладно.

— И давно у вас тут такие порядки?

— Сколько себя помню, — ответил Себастьян с упрямой уверенностью.

Себастьян, наконец, поднял на меня ленивый, но хитрый взгляд.

— Вам никто не сказал?

— Мне сказали, что вы неуправляемые, — процедила я.

— Ну вот, не дезинформировали, — серьезно кивнул он.

Я вдохнула. Выдохнула. Вдохнула.

— А кто вам разрешил так учиться?

— Отец, — отрезал Себастьян, крепче сжав книгу.

— Разумеется, — пробормотала я, закатывая глаза.

Себастьян усмехнулся.

— Леди Элоиза, — начал он, слишком вежливо, слишком осторожно, но я уже знала, что за этим скрывается чистейшее злорадство. — Вы, наверное, устали. Это ведь ваш первый день, да?

— Себастьян, — я склонила голову набок, пристально на

него посмотрев. — Ты всерьёз считаешь, что это сработает?

Он призадумался.

Клара засмеялась.

— Она нас раскусила, — сообщила она брату, не скрывая веселья.

Я стиснула зубы.

— Так, детишки, слушайте меня внимательно.

Клара поудобнее устроилась в кресле, явно собираясь послушать очередной провал гувернантки.

— Если вы думаете, что сможете меня сломить, — голос мой был спокойным, но стальным, — то лучше сразу забудьте об этом.

Себастьян скрестил руки на груди.

— Это угроза?

— Это обещание, — я сложила руки на груди в точности так же, как он.

— Мы привыкли учиться ночью, — напомнил он, всё ещё не желая уступить.

— А я привыкла к расписанию, которое выполняют, — ответила я, чувствуя, как злость уступает место деловому упрямству.

— Тогда вам проще найти других учеников, — бросил он, отводя взгляд к окну.

Я окинула их долгим взглядом.

— О, не сомневайся, Себастьян, — сладко сказала я. — Компромисс у нас точно будет. Но я никуда не уеду!

Хотя бы потому, что ехать мне было некуда. Я даже собственную новую фамилию ещё не запомнила.

Клара чуть склонила голову набок, рассматривая меня так, будто только что решила изменить тактику.

— Она интересная, — доверительно сообщила она брату.

— Посмотрим, — тот все еще смотрел на меня со смесью любопытства и вызова.

Я молча развернулась, направилась к двери.

— Ждите здесь. Я уточню расписание у вашего отца, — сказала я, подавляя желание хлопнуть дверью.

— Он нас поддержит, — с торжеством предсказал Себастьян.

Я резко обернулась, улыбнулась так, что у них обоих вытянулись лица.

— Вот и проверим, — ответила я с опасно вежливой улыбкой.

Если эти двое думают, что смогут меня сломить — пусть готовятся.

Я стремительно вышла из библиотеки, стараясь не хлопнуть дверью, и быстрым шагом направилась к покоям графа. В этот момент я была абсолютно уверена в одном: мне нужна срочная аудиенция с отцом этих безобразников.

Нет, ну это нормально вообще? Я приехала сюда учить, а не разыскивать учеников по всему замку, пока они развлекаются и предаются сладкому ничегонеделанию! Если бы кто-то сказал мне, что моя самая сложная задача будет заклю-

чатся в том, чтобы загнать учеников в класс, я бы только посмеялась. Но теперь, после всего, что я увидела, мне было совсем не до смеха.

Я пересекла темный коридор, свернула за массивную колонну, чуть не врезалась в одинокого слугу, промчалась мимо очередного готического великолепия и, наконец, остановилась перед высокими дверями, за которыми скрывались покои графа.

Вдох. Выдох. Собралась. Постучала.

Ответа не последовало.

Я нахмурилась, постучала громче.

Опять тишина.

Так, ну нет, так не пойдет.

Я постучала в третий раз, настойчиво, так, чтобы даже самые глухие стены этого замка поняли, что от меня так просто не отделаться.

На этот раз за дверью раздался приглушенный голос:

— Войдите.

Глава 5

Я толкнула тяжелую дверь и вошла.

Граф Дракула сидел у массивного письменного стола, заваленного бумагами, и даже не поднял головы. Он что-то писал, свет от одинокой свечи выхватывал четкие линии его лица, пряди черных волос слегка упали на лоб.

Я ждала.

Ждала, что он поднимет голову, посмотрит на меня, скажет хоть что-то.

Но он только перевернул страницу и продолжил писать.

Ах, вот как?

Я не торопясь подошла ближе и сложила руки на груди.

— Ваши дети отказались учиться.

Перо в его руке не замерло.

Вообще никакой реакции.

Я прищурилась.

— Они, между прочим, должны были прийти в класс, а вместо этого я нашла их спящими в библиотеке.

Перо все еще скользило по бумаге.

— Замечательно, — наконец, раздался его спокойный, ленивый голос.

Я моргнула.

Замечательно?!

— Нет, — выдохнула я. — Это не замечательно! Это аб-

солютно недопустимо!

Он спокойно перевернул следующую страницу.

— И что вы от меня хотите?

Я стиснула зубы.

— Может быть, для начала, чтобы вы сказали им, что они обязаны учиться?

Он наконец-то поднял голову.

И посмотрел прямо на меня.

Синие глаза, холодные, пронизательные, медленно оглядели меня с ног до головы, и в них не было даже тени удивления.

— Они и так это знают, — спокойно сказал он.

Я открыла рот. Закрыла.

— Но... но они отказываются это делать!

— Именно поэтому вы здесь, леди Элоиза, — его голос был размеренным, бархатным, но с явным оттенком ленивого раздражения.

Я замерла.

— Простите, что?

— Вы здесь именно для того, чтобы заставить их учиться.

Я моргнула.

Потом еще раз.

Так, стоп.

— То есть вы приглашаете гувернантку, прекрасно зная, что ваши дети даже не собираются учиться, и считаете, что это исключительно моя проблема?

Он чуть склонил голову набок, словно оценивая мою сообразительность.

— А вы думали, что вам будет легко?

Я почувствовала, как в груди поднимается ярость.

— Ну знаете ли! Я гувернантка, а не охотник на диких зверей!

— Разве? — Он усмехнулся, и в этом было что-то чересчур многозначительное.

Я глубоко вдохнула, мысленно досчитала до десяти.

— Граф, — я наклонилась ближе, оперлась ладонями о край стола и сверлила его взглядом, — либо вы прямо сейчас скажете вашим детям, что они будут учиться по утрам, либо я напишу в комитет, что у вас здесь происходит форменное безобразие!

Кажется, именно так назвал свою организацию толстяк в пенсне.

Он плавно откинулся на спинку кресла, сцепил пальцы в замок и смотрел на меня с явным интересом.

— Вы, должно быть, первая гувернантка, которая решилась мне угрожать.

Я не отвела взгляда.

— Это не угроза, а констатация факта.

В комнате повисла напряженная тишина.

И вдруг он усмехнулся.

— Что ж, леди Элоиза, — его голос был бархатным, чуть насмешливым, — раз уж вы так уверены в своих силах, у

вас есть прекрасная возможность доказать свою состоятельность.

Я почувствовала подвох.

— То есть?

— Дети не хотят учиться утром? — Его бровь слегка приподнялась. — Убедите их в обратном.

Я поджала губы.

— Вы хотите сказать, что не поможет?

— Совершенно верно.

Я злобно выдохнула.

— Это нечестно.

— А кто сказал, что у этой игры есть правила? — с явным удовольствием спросил он. — Можете уехать. Напишите своему Комитету, что здесь всё прекрасно, дети учатся и незачем присылать ко мне ищеек.

— Я не ищейка. Я учитель, — отрезала я, едва удерживая голос ровным.

— Вот и учите, — бросил он с вызывающим спокойствием.

И в этот момент я осознала две вещи.

Во-первых, граф Дракула определенно наслаждается этим маленьким противостоянием.

Во-вторых, если я не хочу проиграть, мне придется действовать по его же методам.

Я резко развернулась и направилась к выходу.

Но на пороге все же остановилась, оглянулась через плечо

и улыбнулась.

— Хорошо, граф, — голос у меня был чрезмерно вежливым, медовым, опасным. — Я разберусь с этим сама.

Его губы чуть дрогнули, но он ничего не сказал.

Я вышла и захлопнула за собой дверь.

Если он думает, что я так просто сдамся — он меня сильно недооценил.

Не снижая скорости, я зашагала по длинному коридору. Внутри кипела злость, перемешанная с решимостью.

Ах, значит, сама? Значит, уговори их, убеди, заставь — как хочешь, главное, чтобы в итоге дети сидели в классе и зубрили учебную программу?

Прекрасно. Замечательно. Великолепно.

Если он хочет игру — он её получит.

Я шагала по каменным плитам, слушая, как эхо шагов разносится по пустым коридорам, и в голове стремительно выстраивался план. Граф, конечно, изящно устранился от решения проблемы, решив, что мне одной суждено утонуть в пучине детского саботажа, но я была слишком опытным учителем, чтобы сдаться так просто.

Всё, что мне нужно — это заставить этих двух хитрых созданий учиться утром.

Прежде чем я успела дойти до своих покоев, воздух вокруг едва заметно изменился — то ли легкий сквозняк, то ли просто ощущение, что за мной наблюдают. Не враждебно, не прямо, но... внимательно.

Я резко обернулась.

Никого.

Коридор — пуст. Тени — недвижны. Воздух — неподвижен.

И всё же ощущение, что я не одна, не исчезало.

Я медленно перевела взгляд на ближайшую картину.

Портрет сурового мужчины в расшитом камзоле с гордо поднятым подбородком.

Глаза...

Мне показалось, или они чуть изменили выражение?

Я прищурилась.

Да нет, бред. Совсем уже себя накручиваю.

Тихо фыркнув, я развернулась и, наконец, добралась до своей комнаты.

Закрыв за собой дверь, я тут же направилась к столу и принялась разбирать свои книги и бумаги.

Так. Если дети играют со мной в игру — значит, пора вводить свои правила.

Я разложила перед собой листы бумаги, чернильницу и, задумчиво покручивая перо в пальцах, начала записывать.

Что я знаю?

Дети не хотят учиться утром.

Почему? Потому что «так принято».

Ну-ну.

Проблема номер два: они слишком умны, чтобы просто подчиниться.

Их нельзя заставить — их можно убедить.

Но как?

Я прикусила кончик пера, продолжая записывать.

Вариант первый: Запугать.

Минусы: Их не запугаешь. Видели они этих гувернанток, таких, как я, десятками, и что? Держались от силы неделю?

Вариант второй: Уговорить.

Минусы: Ха-ха.

Вариант третий: Играть их методами.

Я приподняла брови.

Хм. А вот это уже интересно.

Если дети любят соревноваться, если они упрямые, хитрые и привыкли добиваться своего, то почему бы не использовать это против них?

Я могу заключить с ними пари.

Я медленно улыбнулась.

Точно.

Смогут ли они выдержать три недели утренних занятий без прогулов? С десятого по тридцатое марта включительно. Двадцать один день, ни днём больше.

Если смогут, получают выходной и сами выберут время дальнейших уроков.

Если сорвут уговор, останется утреннее расписание. Рискуют обе стороны — иначе это не пари, а приказ с красивым названием.

И, самое главное — им самим должно быть интересно.

Я поднялась со стула, сложила руки на груди.

Да, это срабатывает.

Теперь главное — объявить им об этом так, чтобы они точно захотели сыграть.

И пусть попробуют отказать.

Игра начинается.

Я вышла на охоту.

Ну, в каком-то смысле. Конечно, пожилая учительница истории в молодом теле — это не совсем типичный охотник, но если уж мне предстоит ловить учеников и загонять их в класс, то, пожалуй, охотой это можно было бы назвать.

Они думают, что смогут меня переиграть?

Они думают, что я сдамся?

Ох, милые детки. Я пережила советскую школу, систему ЕГЭ, директоров-тиранов и родителей, уверенных, что их чада — гении. Я учила детей, которые не знали разницы между Куликовской битвой и Кулинарной книгой, а один мальчик как-то заявил, что Наполеон Бонапарт — это тип пирожных.

Я готова ко всему.

Так что игра началась.

Когда я добралась до библиотеки, дверь была приоткрыта. Прямо классика жанра. Темный коридор, массивные дубовые двери, тени, которые почему-то слишком живые... Не хватает только призрачного гувернера, который с грустью взирает на меня из портрета.

Ну, если я тут надолго, то пусть он привыкнет к новому порядку в этом замке.

Я вошла.

И вот они.

Клара в уютном кресле, с поджатыми ножками, листает какую-то книгу. Себастьян — растянулся на диване, одной рукой держит книжку, другой играет с серебряной цепочкой. Вид у него максимально довольный жизнью.

Они даже не обернулись.

Меня проигнорировали.

Прямо как восьмиклассники, которые делают вид, что учитель — это фантом.

Ну, милые мои, сейчас я вам устрою.

Я не торопясь подошла к столику, на котором стояли старинные подсвечники. Сняла перчатки, аккуратно положила рядом. Постучала ногтем по дереву.

— Интересное у вас расписание, — заметила я, медленно оглядывая их.

Клара еле заметно улыбнулась.

— Мы любим свободу.

Ну, конечно.

— Это не свобода. Это саботаж, — я села в кресло напротив.

Себастьян лениво перевернул страницу.

— Вы нас все равно не заставите.

— О, как интересно.

Я придвинулась ближе, наклонилась, глядя прямо ему в глаза.

— Давай уточним: не заставляю учиться или не заставляю учиться утром?

Он слегка прищурился.

— Утром, — уточнил он.

— Ну вот, уже проще.

Я откинулась на спинку кресла и сладко улыбнулась.

— Давайте заключим пари.

Пауза.

Клара оживилась, услышав слово «пари». Себастьян с прищуром уставился на меня, пытаюсь понять, что я задумала.

— Что за пари? — спросила Клара.

— С десятого по тридцатое марта — каждый день на утренних занятиях, без прогулов, — объяснила я, с азартом глядя на обоих. — Выдержите — получите выходной, а дальше сами выберете время уроков. Сорвёте уговор — утреннее расписание остаётся.

Себастьян нахмурился.

— И вы согласитесь на ночные уроки? — недоверчиво уточнил Себастьян.

Я невинно улыбнулась.

— На вечерние. Спор о расписании не должен лишать кого-то сна, — ответила я, с трудом удерживая улыбку.

— А выходной тоже наш? — оживилась Клара.

Я задумалась, делая вид, что серьезно анализирую.

— Ваш, — подтвердила я, стараясь не выдать тревоги. —

Но сначала честно отработайте три недели.

Клара захлопнула книгу.

— О-о-о, мне нравится эта игра.

Я улыбнулась ей ещё слаще.

— Конечно, нравится. Я ведь историк. Мы умеем превращать скучное в азартное.

Себастьян задумчиво постучал пальцами по подлокотнику.

— Вы уверены, что хотите рискнуть? Мало ли что я загадаю!

— Уверена, — ответила я с вызовом. — Меня устроит даже поражение, если вы начнёте учиться.

Глаза мальчишки блеснули.

Он любил вызовы.

Он не привык проигрывать.

И он точно не мог отказаться от шанса доказать, что умнее учительницы.

— Ладно, — наконец сказал он. — Мы согласны.

Клара радостно хлопала в ладоши.

— Отлично!

Я встала, поправила платье, наклонилась к ним и сказала самым сладким голосом:

— Тогда увидимся завтра на первом утреннем уроке.

Я поднялась с кресла, довольная заключённым уговором.

Первый раунд был за мной.

И это только начало.

Прежде чем уйти, я задержалась у стола: хотелось посмотреть, что они читали. «Война и мир» — на английском. Я разобрала название, потом целую страницу. Письмо Комитета тоже было на английском, а разговаривали мы, кажется, по-румынски. Оба языка звучали для меня естественно. Подарок прежней хозяйки тела? А русский-то я помнила? Я взяла перо и подтянула к себе лист бумаги.

«Девятое марта. Классная работа». Написала без запинки и невольно улыбнулась. Родной язык остался со мной. А сколько ещё знаний пряталось в памяти Элоизы? Была ли у неё семья? Дом? Обручального кольца на пальце нет, но это ничего не доказывает. Нужно наконец разобрать ридикюль.

Дети! Эти дети думали, что смогут меня сломить? Что я сбегу, как все их предыдущие гувернантки? О нет, милые мои. Я выдержала советскую школу, реформы образования и десятки родительских собраний, где мамочки-активистки требовали особого подхода к их «гениальным» детям. Так что если кому-то и придется признать поражение, то точно не мне.

Я закрыла книгу, провела ладонями по платью и направилась в свои покои. До вечера разбирала бумаги и готовила занятия, а к ужину снова спустилась в жилое крыло.

И вот тут-то все и началось.

Замок спал.

Ну, как спал... затаился.

Тени в коридорах стали гуще, свечи горели как-то тусклее, воздух сам по себе стал плотнее, тягучее, будто наполнился чем-то невидимым. И вот эта тишина... слишком намеренная.

После ужина я возвращалась по длинному коридору, стараясь не обращать внимания на ощущение, что за мной наблюдают.

Так, спокойно. Это просто массивные стены, пустые залы и мое воображение, которое уже разыгралось настолько, что, кажется, могло бы само написать роман в стиле готического ужаса.

Но потом я свернула за угол... и остановилась.

Потому что он был там.

Влад Дракула.

Высокий. Очень высокий. Спокойный, почти недвижимый, как статуя. В темной одежде, идеально сшитой под его фигуру, он выглядел не просто аристократом, а чем-то большим. Чем-то, что не поддается описанию.

Огромные окна за его спиной открывали вид на темное озеро. Полная луна висела над водной гладью, и ее свет мягко подсвечивал его профиль.

Этот мужчина был нереально красив.

Настолько, что от него буквально невозможно было оторвать взгляд.

Четкие черты лица — резкие, но не грубые. Высокие скулы, пронзительные синие глаза, темные волосы, падающие на лоб легкими прядями. И это спокойствие... ленивое, властное, пугающее.

Он смотрел на меня так, будто изучал.

Не оценивая. Не осуждая.

Просто изучал.

Я сглотнула, вдруг осознав, что чувствую себя не так, как должна. Я ведь должна была злиться. Я ведь должна была быть недовольна тем, что он бросил меня одну разбираться с его отпрысками.

Но нет.

Вместо этого я чувствовала... Как сердце глухо бьется в груди. Как кровь разгоняется чуть быстрее, чем нужно. Как этот мужчина, стоящий передо мной просто в тени, просто в тишине, делает с моими мыслями что-то опасное.

— Гуляете перед сном, леди Элоиза? — наконец заговорил он, и этот голос...

Этот голос.

Бархатный, глубокий, тягучий. Он был как приглушенный рык ночного хищника, который пока не собирается нападать, но и выпускать добычу из поля зрения не намерен.

Я поморщилась, решив взять себя в руки.

— Просто возвращаюсь в свои покои, граф. Если, конечно, мне разрешено передвигаться по замку по жилому крылу.

Я ожидала, что он усмехнется, но вместо этого он медленно наклонил голову, словно изучая меня под новым углом.

— Дети согласились на ваше пари.

Я вздернула подбородок.

— Разумеется.

— Вы не первая, кто пытался заставить их учиться днем,
— заметил он, скрестив руки на груди.

— Но, похоже, я первая, у кого это почти получилось, — парировала я, слабо улыбнувшись.

Он снова посмотрел на меня.

И в этот момент...

Я почувствовала.

Как его взгляд касается меня.

Он не просто смотрел.

Он трогал. Как будто скользил по моей коже кончиками пальцев, изучая, запоминая, оценивая реакцию. И мне стало не по себе.

Но не от страха.

От чего-то совсем другого. Я отступила на шаг, как будто это могло помочь. Не помогло.

Он продолжал пронзительно смотреть на меня. И я невольно заправила прядь за ухо и чуть откашлялась. Пауза затянулась.

Я глубоко вдохнула, пытаюсь вернуть себе контроль.

— Вы что, решили проверить, сбегу ли я первой?

— Возможно, — он лениво склонил голову набок. — Это

вполне вероятный исход.

Я хмыкнула.

— Граф, я пережила гораздо худшие вещи, чем два упрямых ребенка.

— Это мы еще посмотрим.

Его губы едва заметно дрогнули.

Это не была улыбка.

Это было...

Предвкушение.

Меня вдруг обдало жаром. В прямом смысле. Как девочку. Даже сердце быстрее забилося. За всю свою долгую жизнь я не видела таких красивых мужчин.

Сжала пальцы в кулак.

— Спокойной ночи, граф.

Развернулась и пошла.

Не бежала.

Не торопилась. Но я чувствовала. Как его взгляд сопровождает меня до самого конца коридора.

И от этого каждый шаг давался мне сложнее.

Потому что впервые за все это время...

Я не знала, чего хочу больше: уйти подальше или остаться еще на минуту. Я закрыла за собой дверь, оперлась спиной о прохладное дерево и прикрыла глаза.

Ну и вечерок.

Влад Дракула.

Красавец, аристократ, воплощенная тьма, обернутая в

изысканные манеры и ленивую самоуверенность. И этот взгляд.

Боги.

Он смотрел так, словно видел больше, чем должен.

И, самое главное, как на него среагировала я?!

Строю глазки какому-то графу!

Да я, между прочим, пенсионерка. Мне 65 лет.

На пенсии!

Должна вязать, кормить котов и жаловаться на давление!

А что делаю я? Флиртую.

Флиртую!

С одноклассником самого знаменитого кровопийцы в истории!

Я закрыла лицо руками.

— Что со мной не так...

Сквозь пальцы посмотрела на свое отражение в зеркале.

И тут меня накрыло. Я не просто молода. Я красива.

Кудрявые темно-рыжие волосы падают волнами на плечи, нежная, гладкая кожа без единой морщинки, ярко-зеленые глаза с длинными ресницами...

Я сделала шаг ближе к зеркалу, внимательно разглядывая себя.

Изящные скулы, полные губы, ровный нос, безупречно гладкий лоб.

Грудь...

Так, здесь все прекрасно.

Талия — тонкая, изящная, прямо как в рекламе корсетов. Бёдра плавно очерченные, женственные, ни грамма лишнего...

Боги.

Я офигенно хороша.

Простите, но это надо было осознать.

Моя внутренняя Людмила Петровна, привыкшая видеть в зеркале женщину с усталыми глазами, тонкими губами и осунувшимися чертами, сейчас просто роняла челюсть.

— Вот это жизнь подбросила шанс... — прошептала я, не отрываясь от отражения.

Шанс?

Да это джекпот!

Еще вчера я была... ну, скажем прямо, не первой свежести. А теперь?

Теперь я — роскошная молодая женщина, в расцвете сил, с тонкой талией, шикарной фигуркой и лицом, от которого мужчины теряют голову.

Я рассмеялась.

Боже, как же это абсурдно! Но от этого так восхитительно.

Я крутанулась на месте, вздернула подбородок, еще раз осмотрела себя.

Нет, ну это же грех таким не воспользоваться.

Я прищурилась.

Ну что, граф.

Посмотрим, кто кого. В молодости я была еще той кокет-

кой.

Глава 6

Поздним вечером, свернувшись на мягком диване в комнате с видом на озеро, я наконец добралась до ридикюля. Странная сумочка. Маленькая, но как будто бездонная. Я все собиралась её разобрать, но то дети срывали занятия, то граф смотрел так, что у меня в глазах темнело от его красоты. А теперь — вот он, звездный час леди Элоизы и её таинственного кожаного спутника.

Ридикюль был из мягкой темно-вишнёвой кожи, с затейливой вышивкой и застёжкой в виде двух золотых розочек. Прелесть, а не сумочка. Я открыла её с тем же трепетом, с каким раньше открывала учительский стол после каникул — вдруг там что-то шевелится?

Внутри — аккуратно разложенные вещи, будто не женщина, а королева порядка тут жила. Всё на своих местах. Без суеты. Без разбросанных жвачек и засохших перьев. Я достала первую папку — документы. Плотная бумага, герб, сургучная печать. Прочитала вслух:

— Леди Элоиза Лавштейн, тридцать два года, — прочла я с невольным облегчением. — Гражданка Великобритании. Место рождения — Роузмур, графство Корнуолл.

Роузмур? Звучит как город, в котором живут исключительно кошки в кружевных воротничках и англичанки, которые умеют печь безе в дождь.

Дальше шли сведения о стажировке в Комитете по надзору за воспитанием благородных семейств.

При чём? Название институции было такое длинное, что казалось, оно само должно было давать диплом.

Официальное назначение: гувернантка в семью графа Влада Дракулы. На неопределённый срок.

Ну спасибо. Теперь я точно знаю: меня не просто всунули в роман — меня записали в него в качестве приложения.

Я продолжила копаться. Из сумочки показалась небольшая тетрадь, перевязанная лентой. Пергаментная обложка, приятная на ощупь, слегка потёртая. Я сняла ленту и открыла.

Дневник.

С первых строк стало ясно — писала сама Элоиза. Почерк — мелкий, аккуратный, округлый, как у педантичной гимназистки. Я пробежалась глазами по нескольким записям — выписки из присланного перед назначением досье: сведения о замке, заметки о характере графа и о детях, цитаты на латыни, анализ семейного древа и... рецепты от бессонницы на травах.

— О, вот кто ты была, Элоиза, — прошептала я. — Учёная, внимательная, начитанная. И слегка зануда. То есть... прекрасная, прекрасная девушка.

Читая её строки, я почувствовала, что её знание стало моим. Слова, термины, грамматика. Я поняла, что знаю французский, немецкий, латынь, а на румынском теперь читаю,

как на родном. Более того — я помнила исторические подробности этого места, могла разобрать родословную графа, записи о перестройке замка и даже схему потайного хода в подземелье. Хм... зачем гувернантка это изучала.

Это было... странно. Не страшно. Именно странно — как будто в голове включился прожектор, который раньше не светил.

Я отложила дневник и достала небольшую бархатную коробочку. Внутри — кольцо. Простое, но изящное: тонкий обруч с тёмным камнем, похожим на каплю ночного неба. Под ним — записка, запечатанная сургучом.

Я повертела её в руках. Письмо. От кого? Элоиза его ещё не читала.

Я сломала печать. Внутри оказалось сопроводительное письмо Комитета: кольцо служило знаком назначения и позволяло запрашивать служебные бумаги по делу воспитанников. Никакого тайного жениха. Казённая печатка, пусть и весьма изящная. Я примерила её и вернула в коробочку: не хватало ещё размахивать перед графом удостоверением надзирателя.

Дальше — стандартный дамский набор, но... с характером.

Помада. Вишнёвая. Очень для леди.

Румяна. Розовые, скромные, не для соблазнения, а для «я просто слегка вспыхнула, как гортензия».

Затейливая заколка в виде серебряной веточки.

Два кружевных платка — один явно носовой, второй декоративный. Может быть, чтобы драматично выронить при обмороке.

Набор для письма: чернильница, перо в кожаном пенале, листы бумаги с водяным знаком, а между ними — сухие лепестки роз.

Маленький флакон духов. Я открыла его и вдохнула... Нота ландыша, чуть-чуть ванили, и что-то хвойное. Запах девичества, грусти и тихого достоинства.

Маленькое зеркальце в серебряной оправе. В отражении я снова увидела непривычное лицо. Та, кто смотрела на меня оттуда, была юна, упряма и явно знала, чего хочет от жизни. Присмотрелась еще раз... Хороша ж, черт возьми. Я в молодости тоже была ого-го... Но Элоиза явно меня перещеголяла.

И вот, сидя в полумраке своей комнаты, с дневником прежней Элоизы, служебным кольцом и головой, в которой её знания соседствовали с моими, я почувствовала, что я уже не просто гостя в этом теле. Я в нём живу.

И что бы это всё ни значило — разгадка где-то рядом.

Свечи в коридорах гасли сами собой, словно испугались темноты, а тени, не дожидаясь сигнала, начинали ползти по стенам, вытягиваясь, искривляясь, будто соревновались в том, кто из них зловещее и драматичнее. Где-то за окнами ухнула сова, и я, при всей своей стойкости, непроизвольно

подпрыгнула на месте. Боже, ну кто в XXI веке ухает по расписанию, как будто из методички по готическому антуражу?

Пламя в камине горело и трепетало раздражающе медленно — лениво переваливалось с полена на полено, как старый кот, не желающий вставать с дивана. В воздухе пахло воском, гарью и... вопросами. Много вопросов.

Что это за мир? Почему я здесь? Что вообще за шутки с перерождением в молодое тело гувернантки в замке графа, который выглядит как анатомическое пособие по соблазнению? Почему дети не учатся по утрам и шепчутся на неизвестных мне языках, когда думают, что я не слышу?

Я — пенсионерка. Учитель истории. У меня стаж, медаль за трудовую доблесть и страсть к строгим костюмам. Я привыкла к тому, что в жизни всё логично: бой курантов — значит Новый год, лужа на асфальте — значит вчера ливень, ученик с тремя хвостами написал хорошо на контрольной — значит, списал. А тут? Никакой логики. Ни малейшей. Одни загадки, недомолвки и... брови у графа... его губы. Нет, не сейчас. Мы о серьезном.

Я откинулась в кресле и уставилась на потолок, украшенный лепниной, в которой вполне мог прятаться кто-нибудь подозрительный — скажем, дух предыдущей гувернантки. Ну или крыса. Впрочем, крысы тут, скорее всего, в шелковых манжетах и с титулами.

— Ладно, — тихо сказала я себе. — Хватит ждать, пока мне кто-то всё объяснит.

Если никто не собирается выдавать мне инструкцию по обращению с этим параллельным сюрреализмом, придется действовать по старой учительской привычке: бери, ищи, анализируй и сдай в срок.

Я не овощ. Я не дама в обмороке. Я не нежная фиалка, ждущая, когда граф пригласит меня на откровенный разговор в духе «я — дитя ночи, а ты — мой свет».

Я — Людмила Петровна. Пенсионерка с характером и молодым телом.

И если этот замок решил играть со мной в загадки, пусть готовится: я не просто найду все ответы — я их перепроверю по трём источникам и заведу табличку в Excel.

В голове тут же родился план. Нет, не стратегический, а так — пробный. Первый шаг: библиотека. Если где-то и хранятся ключи к пониманию всего этого бархатно-гробового цирка — то именно там.

Время? За полночь. Идеально. В это время обычно начинаются все самые странные явления: призраки гремят цепями, древние тайны отворяют свои створки, а гувернантки... идут шпионить с фонариком.

Я решительно поднялась с кресла.

Хватит размышлять. В бой.

План был безупречен, как зубы у графа: выждать до глубокой ночи, пробраться в библиотеку, добыть информацию и остаться при этом в живых, в рассудке и желательно в человеческом облике. Простой, понятный, проверенный мно-

гими авантюристами. Разница лишь в том, что я не Индиана Джонс, а, между прочим, пенсионерка с учительским прошлым и чугунной логикой. И с недавних пор — в теле молодой гувернантки, которая, если верить зеркалу, очень даже ничего.

На этот вечер я выбрала не просто наряд — а воплощение готического великолепия: ночная рубашка из мягчайшего шелка цвета горького шоколада, с высоко закрытым воротом, длинными рукавами и деликатной вышивкой. Поверх — утончённый тёмно-серый халат на подкладке, с бархатными манжетами. Даже тапочки — домашние, мягкие, тёплые, но всё равно смотрелись так, будто предназначались для баронессы, которая вышла принять чай с мертвецами.

Гардероб я уже успела изучить днём и мысленно поставила «пять с плюсом» тому, кто его составлял. Ничего лишнего, никакого вульгарного кружевного безумия — всё строго, скромно, дорого. Ни тебе затянутой талии до посинения, ни «ах, я забыла надеть корсет», как в исторических драмах. Всё по делу, но... с таким изяществом, что поневоле чувствуешь себя леди, даже когда идёшь шпионить.

Замок к ночи затих, словно закрыл глаза, но продолжал слушать. Я осторожно вышла из своей комнаты, закрыв за собой дверь, и прислушалась. Тишина. Глубокая, вязкая, с привкусом вековой пыли и сквозняков.

Никаких пальто накинутах на пижамы — нет, я выглядела, как следует гувернантке при достойной фамилии. Если

бы кто-нибудь случайно меня увидел, подумал бы: «Ах, ле-
ди вышла на молитву в библиотеку». Или на спиритический
сеанс. Ну, тут уж кому как ближе.

Фонарик у меня был — старомодный, но рабочий. Я его
нашла в ящике туалетного столика, аккуратно упакованный
в черный чехол, как будто тут вообще-то все гувернантки по
ночам любят ходить по замку, светя в полки. Я, конечно, не
возражала.

Коридоры в темноте казались длиннее. Лестницы выше.
Арки строже. Замок ночью был похож на учительскую в кон-
це смены — вроде бы всё знакомо, но стóит выключить свет,
и вот уже шкафы шепчут, портреты оценивающе щурятся,
а ступени скрипят с такой обидой, будто ты им задолжала
объяснение глагольных форм.

Я кралась как мышь, воспитанная в пансионе для благо-
родных мышей. Тихо, грациозно, с выражением невинной
заинтересованности на лице. Время от времени замирала,
когда вдалеке раздавался скрип — возможно, дверь, воз-
можно, дух гувернантки номер три, возможно, просто замок
зевнул. Подол халата мягко шелестел, как шелестят страни-
цы старинных книг, а рука, сжимающая фонарик, выдавала
только одно: я не шпион, но если что — могла бы.

Когда я наконец добралась до библиотеки, мне показало-
сь, что прошла весь путь из Румынии в Турцию пешком и
с чемоданом. Дверь открылась с таким зловещим скрипом,
что я чуть не плюхнулась на пол от страха. Но держалась. Ли-

цо — спокойное, внутреннее состояние — паническая опера.

Внутри было темно. И величественно. Полки, как солдаты, тянулись к потолку, охраняя знания, в которых, я была уверена, скрывались ответы на все мои вопросы. Или хотя бы объяснение того, как Клара исчезла у меня на глазах.

Я вошла. Сделала первый шаг вглубь. Луч фонарика выхватил корешки книг, покрытых пылью и веками. Гერальдические знаки, переплёты с металлическими застёжками, надписи на языках, которые я не могла прочесть, но от которых у меня по спине пробежала целый взвод мурашек.

— Ну, библиотека, — прошептала я, — время узнать, с кем я здесь живу. И с кем... возможно, сплю. Если эти шелковые простыни — не просто дань эстетике, а подготовка к какому-то древнему брачному ритуалу, меня лучше заранее предупредить.

Луч фонаря скользнул по выцветшему корешку с надписью *Vlad Draculae. Chronica Regalis*. Я замерла. Медленно потянулась за книгой. Всё только начиналось.

Книгу я открыла осторожно, двумя руками, как открывают сундук с надписью «Не трогать, если не бессмертный или очень глупый». Переплёт был потрёпан временем, корешок потрескался, как губы у школьника в феврале, страницы шуршали подозрительно, будто предупреждали: «Смотри, девочка, сейчас мы тебе покажем такое, от чего седина сама заплетётся в косичку». Я вздохнула, собралась духом,

как перед родительским собранием, и заглянула внутрь.

Первая же страница порадовала. Нет, не содержанием, а художественным оформлением: жирные символы, выведенные, кажется, не рукой, а когтем; карта, нарисованная в духе «найди выход, если сможешь»; а внизу — пометка красным. «Не будить». Идеально. Просто идеально. Никаких пояснений, кто не должен быть разбужен, почему, и что будет, если — зато категорично и с чувством. Я аж зевнула. Учили бы выражаться внятно, как приличные преподаватели.

Следующая страница пошла ещё бодрее. Буквы — старинные, с закорючками, как будто писались на спор: кто выведет самую замысловатую заглавную «А» и не сломает при этом руку. В центре страницы — круг. В круге — символы, которых не хватало даже в моём филологическом кошмаре. А над ним — надпись: «Только по праздникам». И снова без пояснений. Что именно по праздникам? Заклинание? Жертвоприношение? Распитие шампанского с бесами?

Я придвинула свет фонарика ближе и нахмурилась. На третьей странице был новый круг. Более сложный. С пятью слоями, похожими на луковицу, только злую. В каждом — символы, и всё это соединялось стрелками, которые напоминали указатели в аэропорту ада. Подпись под этим шедевром была ещё более вдохновляющей: «Блокировать свет».

Я почесала висок. Блокировать свет — это как? Шторы задернуть? Солнце выключить? Или это локальный способ вызвать тотальную тьму и одновременно экономить на элек-

тричестве?

И тут я заметила, что чернила — вовсе не чернила. Цвет у них был бурый. Слишком бурый. И блестели они как-то нехорошо. Я аккуратно дотронулась до края страницы. Пальцы чуть заныли, будто от холода. Страницы не просто старые — они хранили в себе... что-то. Возможно, эмоции. Возможно, проклятия. А возможно, просто чей-то очень злой и очень каллиграфически одарённый мозг.

И, конечно, меня как учителя истории мучил один вопрос: почему у этой нечисти такие проблемы с пунктуацией? Где запятые? Почему один раз «блокировать» с одной «к», а в другом месте — с двумя? Кто учил этих авторов составлять тексты, почему всё капслоком и что вообще такое «свёртка третьего круга»?

Я вздохнула. Хотелось взять красную ручку и подправить. А потом вспомнила, что если начать править заклинание, написанное кровью, можно нечаянно вызвать древнего духа бухгалтерии. Или гневную бабку с метлой, которая гоняет по аду всех, кто ставит тире вместо дефиса.

Страницы шуршали под пальцами, как будто ворчали. Карты подземелий, ведущих то ли к складу с вином, то ли к алтарю древнего ужаса. Пометки на полях: «Закрыто», «Опечатано», «Никогда не открывать» — что ж, очень ободряюще. Особенно в сочетании с иллюстрацией головы, которую вроде как съели, а потом приписали рядом: «Петя, не лезь».

Я подняла глаза от книги и медленно выдохнула. Ну что, гувернантка, хотела открыть тайны — открывай. Добро пожаловать в мир, где буквы кусаются, а инструкции по магии пишутся с грамматическими ошибками и потенциальной летальностью. Только бы теперь не начать видеть сны, в которых за мной гоняется запятая. Кровавая. С глазами. И с венником.

Книга нашлась случайно — я просто вытянула её наугад из нижнего ряда, решив, что уж у самой пыльной и забытой точно есть характер. Она оказалась толстой, в кожаном переплёте, с металлическими уголками, как у сундука с проклятым приданым. Один край был обожжён, словно кто-то однажды решил, что мудрость — хорошо, но с огоньком лучше. Я провела пальцами по обугленной корке переплёта и почувствовала дрожь, будто книга не просто сохранила жар, а выдохнула его прямо в мою ладонь.

Открылась она неохотно, как капризная старушка, которой явно не до молоденьких гувернанток. Но стоило мне перевернуть пару страниц, и я поняла — нашла. Вот оно. Заголовок, начертанный величественно, с роскошным росчерком, будто кто-то писал его, расплывшись в восторге от собственной идеи: «Обряд перехода крови». Серьёзно. Без вступлений, без предисловий. Сразу в омут, без спасательного круга.

Страница была иссечена текстом, как шрамами — каллиграфическим, но каким-то фанатичным. Буковки чуть на-

клонены, строки сбивались, как будто писавший одновременно дрожал от волнения и блаженства. Весь тон изложения был... ну, как объяснить? Как если бы я, учитель истории, вдруг решила рассказывать восьмиклассникам о любви к глаголам так, будто это религиозный экстаз.

Автор — безымянный, но очень вдохновлённый — с невероятной поэтичностью объяснял, как «преображается душа и тело, соединяясь с Истинной Кровью». Слова «бессмертие», «озарение», «дар ночи», «слияние сущности» встречались на каждой второй строке, чередуясь с описаниями «боли блаженства» и «исчезновения тленного». Судя по тону, человек, писавший это, либо уже был под воздействием какого-то из этих «даров», либо просто очень хотел быть по-этом, но пошёл по кривой дорожке к вечной жизни.

Я читала и ощущала, как внутри начинает расплзаться неудобное, настойчивое чувство, что я, возможно, попала не просто в мрачное поместье с нелёгкими детьми и надменным хозяином. Что в этом доме... не живут. В этом доме существуют. И существование здесь — это что-то иное, не вписывающееся в схемы здравого смысла и школьной программы.

Каждая фраза, каждая метафора, описывающая момент «перехода», всё глубже утапливала меня в липкую паутину тревоги. Там были фразы вроде «одна капля — вечность», «одна боль — сто спасений», «когда пульс замирает, начинается истина». Я даже не знала, смеяться мне или отложить эту книгу в костёр. Ну или хотя бы в сторону от своей кро-

вати. Желательно в другую башню замка. Или в подземелье. Запереть. Заколотить. Обнять чеснок.

Сомнения у меня начали плодиться, как кролики, которым выдали премию. В здравости обитателей этого замка — раз. В природе детей, что с интересом смотрят сквозь людей — два. В том, что по ночам здесь тихо и очень мрачно — три. И в том, что мне, возможно, сейчас следовало бы не читать это ночью, в одиночестве, при дрожащем свете фонарика, а лежать в кровати, накрывшись с головой и молитвой — четыре.

Особенно, когда я заметила крошечную сносочку под чертой, мелким курсивом: «Примечание: обряд желательно не проводить в присутствии неподготовленных душ — возможные осложнения этической природы».

О, спасибо. Этическая природа — моя любимая тема. Именно поэтому я и работала всю жизнь в школе. Чтобы знать, что когда кто-то пьёт чью-то кровь в торжественной обстановке под пение хора из теней, это, наверное, всё-таки нехорошо. Даже если у него манеры и подбородок, как у бога ночи.

Я закрыла книгу. Медленно. Уверенно. Будто засовываю крышку на саркофаг.

И, глядя в темноту библиотеки, шепнула самой себе:
— Просто плохое освещение, говорили они. Просто дети, говорили они. Просто стажировка. Ну-ну.

А внутри уже точно знала: эта работа, скорее всего, не бу-

дет внесена в мою педагогическую книжку.

Глава 7

Влад

Лунный свет серебряной вуалью окутывал озеро, превращая его гладь в безмолвное зеркало ночи. Я стоял у окна, наблюдая, как лунный диск медленно скользит по небу, и ощущал, как тишина замка обволакивает меня плотным саваном. Лишь редкий треск свечей нарушал это безмолвие, напоминая о том, что время не остановилось, хотя для меня оно давно потеряло смысл.

Воспоминания нахлынули внезапно, как порыв ледяного ветра, пронзивший насквозь. Та ночь... Ночь, когда мир, который я знал, рухнул в бездну. Вспышки факелов, яростные крики, звон мечей — охотники ворвались в наш дом, неся с собой смерть и разрушение. Я помню, как Марион, моя светлая Марион, встала между ними и нашими детьми, словно хрупкий щит против беспощадной ярости. Её тёмно-рыжие волосы, обычно мягко струившиеся по плечам, теперь были растрёпаны, глаза горели решимостью, а в руках — лишь тонкий кинжал, жалкое оружие против закалённых убийц.

Я бросился к ней, но время, казалось, замедлило свой бег, превращая каждый шаг в мучительное испытание. Я видел, как клинок охотника взметнулся в воздухе, как Марион, не дрогнув, шагнула вперёд, защищая наших детей. Крик... Её крик, полный боли и отчаяния, разорвал ночную тишину,

врезаясь в моё сознание раскалённым клеймом. Кровь алой лентой брызнула на каменный пол, а её тело, словно сломанная кукла, рухнуло на землю.

Я не успел. Не смог. Слишком поздно, слишком медленно. Я уничтожил их всех, каждого до единого, но это не вернуло её. Марион ушла, унеся с собой часть моей души, оставив меня в этом холодном мире с нашими детьми, которых я спас физически, но не смог уберечь от душевных ран.

С тех пор я существую в этом замке, наполненном призраками прошлого, в компании теней и воспоминаний. Дети растут, но я вижу в их глазах отражение той ночи, того ужаса, который им пришлось пережить. Я стараюсь быть для них опорой, но как слепой может вести слепого? Мои попытки заменить им мать тщетны, и каждый день я чувствую, как они отдаляются, унося с собой последние крупницы тепла, оставшиеся в моём сердце.

Луна продолжала свой путь по небосклону, равнодушная к страданиям смертных и бессмертных. Я отвернулся от окна, погружаясь обратно в полумрак комнаты, где тени прошлого сплелись в плотный кокон, не позволяющий вырваться из плена воспоминаний. В этом вечном танце боли и утраты я остаюсь лишь немым свидетелем собственной трагедии, пленником ночи, для которого рассвет никогда не наступит.

Взгляд скользнул по оконному стеклу. Луна, свеча за спиной, край стола — всё отражалось в нём, кроме меня. Привычная пустота, к которой за века так и не удалось привык-

нуть до конца.

Я — Влад Дракула, потомок Влада Цепеша, носящий его имя и наследие. Согласно нашим семейным хроникам, дар тёмной крови пришёл в род через одну из его жён. Историки смертных написали бы иначе. Они вообще многое написали бы иначе, узнай, кто хранит эти записи.

В отличие от многих, кто обретает бессмертие через укус и обращение, я — истинно рождённый вампир, зачатый во тьме и рождён женщиной-вампиром. Такие, как я, — редкость, даже в нашем мире ночных существ. Моя природа — это не выбор, не случайность, а предначертание, вплетённое в самую ткань моего бытия.

Я давно отказался от человеческой крови и питался кровью животных. Иногда выходил на охоту, сливаясь с ночным лесом. Не ради удовольствия причинять боль и не ради власти над беспомощным существом. От убийств в защите дома это меня не избавляло — Марион тому свидетель. Но одно дело остановить вооружённого врага, другое — считать любого смертного добычей. Эту черту я больше не хотел переступать.

После потери Марион замок погрузился в мрак, отражая пустоту, поселившуюся в моём сердце. Днём я избегал солнечного света, предпочитая тень, а слова стали для меня редкостью, произносимой лишь по необходимости. Моё существование превратилось в призрачное блуждание по коридорам воспоминаний, и только дети оставались теми нитями,

что удерживали меня на грани полного исчезновения. Однако я чувствовал свою беспомощность: я не мог дать им ту теплоту и заботу, которые исходили от их матери.

С течением времени в Себастьяне и Кларе начали проявляться необычные способности. Сначала это были лишь странности, вызывавшие лёгкое недоумение, но затем последовали пугающие инциденты. Однажды Себастьян, охваченный гневом, разбил стекло одним лишь взглядом, а Клара, с её тихой проницательностью, предсказала скорую кончину своей учительницы, что вскоре сбылось. Общество не приняло их даров: их изгнали из школы, и они стали изгоями в мире, который не желал понимать и принимать их уникальность.

Я забрал их обратно в стены нашего замка, решив взять на себя их обучение. Однако роль наставника оказалась для меня испытанием: дети бунтовали, не желая подчиняться, их эмоции часто выходили из-под контроля, приводя к новым вспышкам их сил. Я осознавал, что без должного руководства они могут стать опасными как для себя, так и для окружающих. Моё сердце сжималось от боли и беспомощности: я, древний и могущественный, не мог найти ключ к сердцам собственных детей, не мог направить их по пути, который бы уберёг их от тьмы, угрожающей поглотить их юные души.

Инспекционно-Кураторский Совет по Мониторингу Наследственных Аномалий и Поведенческих Девиаций — организация с названием столь витиеватым, что его тяжесть

ощущалась даже в письмах, которые они регулярно присылали.

Комитет, приславший гувернанток, был его исполнительным подразделением. Одни подписывали назначения, другие решали, оставят ли мне детей.

«Уважаемый граф Влад Дракула,

Настоящим уведомляем Вас о необходимости предоставить отчёт о текущем состоянии и прогрессе в воспитании Ваших наследников в соответствии с предписаниями, установленными Инспекционно-Кураторским Советом по Мониторингу Наследственных Аномалий и Поведенческих Девиаций. Невыполнение данного требования в указанный срок может повлечь за собой пересмотр условий опеки и инициирование соответствующих процедур.

С почтением и надеждой на своевременное сотрудничество,

Люциус Ноктис, Председатель Инспекционно-Кураторского Совета по Мониторингу Наследственных Аномалий и Поведенческих Девиаций»

Они заявили о себе внезапно, как гроза в безоблачный день, предъявив ультиматум: если я не докажу свою состоятельность как отец и наставник, мои дети будут изъяты из-под моей опеки. Им было нужно не обучение, а контроль. Под предлогом помощи они начали присылать гувернанток, каждая из которых была не столько наставницей, сколько шпионкой, призванной следить и доносить.

Однако замок Дракулы не терпит чужаков. Первая гувернантка, молодая и полная энтузиазма, сбежала спустя неделю, испугавшись теней, что, по её словам, шептали ей по ночам. Вторая, дама в годах с суровым взглядом, продержалась дольше, но однажды, встретив мой взгляд в момент, когда я был охвачен яростью, поспешно собрала вещи и исчезла, не оставив даже записки. Третья... О, третья была особенной. Её привлекала тьма, она искала её, надеясь найти в ней что-то, что восполнит пустоту в её душе. Но, столкнувшись с истинной природой нашей семьи, она поняла, что играет с огнём. Я отпустил её, вложив в сознание внушение забыть всё, что она видела и чувствовала здесь. Никто не должен знать, какие мы на самом деле. Никто не должен помнить моего лица в ярости.

Каждая из них приходила с целью изменить нас, подчинить, контролировать. Но они не понимали, что тьма, в которой мы живём, не поддаётся их светлым законам. Они пытались проникнуть в наш мир, но этот мир отвергал их, как организм отвергает чужеродное тело. И теперь, стоя в полумраке своего замка, я осознаю: моя семья — это моя ответственность, и никакие комитеты и их шпионки не смогут изменить того, кем мы являемся.

Я снова вспомнил вечер её приезда. Дверь бесшумно отворилась, и она вошла.

Сначала я подумал, что тени играют со мной злую шутку,

что воспоминания, как призраки, материализовались передо мной. Но нет, это была не иллюзия. Передо мной стояла женщина, и сердце моё замерло. Она была... Марион. Точнее, её отражение, её двойник, её живое воплощение. Та же гордая осанка, те же тёмно-рыжие волосы, ниспадающие волнами на плечи, те же губы, изогнутые в едва заметной улыбке, и глаза... Зелёные, глубокие, в которых всегда пылал огонь, казавшийся мне незаслуженным даром судьбы.

Я застыл, не в силах отвести взгляд, не в силах осознать происходящее. В голове вихрем пронеслись мысли: подлая провокация Комитета? Жестокая шутка судьбы? Или, быть может, месть за грехи прошлого? Каждый вариант был хуже предыдущего, и ни один не приносил облегчения.

Теперь мои воспоминания прервал лёгкий скрип двери. Обернувшись, я увидел своих детей, стоящих на пороге. Их глаза, такие похожие на глаза их матери, смотрели на меня с беспокойством и надеждой. Они — единственное, что удерживает меня на грани между тьмой и светом, между прошлым и будущим. Ради них я продолжаю своё существование, стараясь быть для них не только отцом, но и проводником в этом сложном мире, где границы между добром и злом, светом и тьмой, настолько размыты.

Я сделал шаг к ним, ощущая, как тяжесть воспоминаний отступает перед теплом настоящего. Пусть прошлое и оставило на мне неизгладимый след, но будущее ещё не написано. И я намерен сделать всё возможное, чтобы мои дети

не повторили ошибок своих предков, чтобы они нашли свой путь, не омрачённый тенью прошлого.

Ведь, в конце концов, даже в самой глубокой тьме можно найти проблеск света.

Дети почувствовали напряжение, витавшее в воздухе, и не замедлили с вопросами. Себастьян, прямолинейный и бескомпромиссный, выпалил:

— Ты хочешь заменить маму этой подделкой?

Клара, более чуткая и осторожная, подошла ближе, её голос прозвучал тихо, но отчётливо:

— Папа, ты злишься, потому что она пахнет похоже?

Я не ответил. Потому что сам не знал, что чувствую. Это не она. Но это почти она. И с каждым взглядом, с каждым движением её руки, с каждым словом, произнесённым её голосом, боль становилась всё острее, словно старые раны вновь открылись, напоминая о потере, которую я так и не смог пережить.

Внутри меня бушевал ураган эмоций: гнев на Комитет за возможную манипуляцию, отчаяние от собственной беспомощности, страх перед неизвестностью и... надежда. Слабая, едва уловимая, но всё же надежда на то, что, возможно, это шанс. Шанс исправить ошибки прошлого, шанс дать детям то, что они потеряли, шанс вновь почувствовать себя живым.

Но можно ли доверять призракам прошлого, явившимся в облике живых людей? Или это всего лишь очередная ил-

люзия, созданная для того, чтобы вновь разбить моё сердце?

Глава 8

В ночь после похода в библиотеку я вернулась к себе и села за план первого урока. На столе лежали книги, тетради и чистые листы. Свеча догорала, а до назначенных девяти утра оставалось всё меньше времени.

Моё сердце билось в такт потрескиванию пламени в камине, а мысли, подобно неугомонным мотылькам, метались от одной идеи к другой. Утром предстояло первое занятие с наследниками графа Дракулы — Себастьяном и Кларой. Юные аристократы, чьи взгляды, вероятно, будут полны скепсиса и скрытого вызова. Я осознавала, что завоевать их доверие будет сродни приручению диких кошек: стоит проявить неуверенность — и тебя тут же сочтут недостойной.

В воображении рисовались картины идеального урока: я, воплощение мудрости и терпения, излагаю материал, а дети слушают, затаив дыхание, впитывая каждое слово, как засушенная земля впитывает первые капли дождя. Себастьян задаёт вдумчивые вопросы, Клара с энтузиазмом выполняет задания, и в конце занятия они благодарят меня за увлекательный урок. Ах, мечты, мечты...

Но тут же на смену этим грёзам приходили образы менее радужные: Себастьян, с насмешливой ухмылкой, ставит под сомнение каждое моё слово, Клара демонстративно зеваёт, показывая всю степень своей скуки, а я, теряя нить повество-

вания, беспомощно пытаюсь вернуть внимание своих непокорных учеников. В голове всплывали истории о гувернантках, сбежавших отсюда в слезах и с нервным тиком. Неужели и меня ждёт та же участь?

Я встряхнула головой, отгоняя мрачные мысли. Нет, Элоиза, ты не из тех, кто сдаётся перед трудностями. Нужно разработать стратегию, план действий, который поможет удержать внимание этих маленьких бунтарей. Может, начать с чего-то нестандартного? Ввести элемент игры или рассказать занимательную историю, связанную с темой урока? Ведь известно, что любопытство — лучший учитель.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.